

Н. А. Виташевскій.

Изъ наблюденій надъ якутскими шаманскими дѣйствіями¹.

Наблюденія надъ якутскими шаманскими дѣйствіями въ ночь съ 29 на 30 іюня и съ 3 на 4 іюля 1894 года приводятъ меня къ заключенію, что описанія такихъ дѣйствій, если пожелать сдѣлать эти описанія годнымъ для научныхъ обобщеній матеріаломъ, слѣдуетъ:

- 1) писать съ натуры, т. е. подробно описывать конкретные случаи, и
- 2) расчленять при этомъ дѣйствія на составные его элементы.

Первое требованіе я основываю на томъ, прежде всего, что записываніе шаманскаго дѣйствія со словъ рассказчика, хотя бы въ формѣ драматическаго произведенія, даетъ почти исключительно лишь *текстъ* словъ и заклинаній, употребляемыхъ шаманомъ при дѣйствіи, не открывая возможности описывать другіе элементы послѣдняго. Но, кромѣ того, — что гораздо важнѣе, — записывая шаманское дѣйствіе со словъ даже хорошо освѣдомленнаго лица, даже самого шамана, изслѣдователь предоставляет въ дѣлѣ обобщеній значительную долю активности самому рассказчику. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что одинъ и тотъ же шаманъ въ двухъ вполне аналогичныхъ случаяхъ не будетъ тождествененъ въ своихъ выраженіяхъ и движеніяхъ; поэтому, если ему предложить описать то или другое дѣйствіе, то онъ будетъ принужденъ самъ опредѣлять *общую* форму его,

¹ Настоящая статья представляетъ собой записку, сдѣланную черезъ нѣсколько дней послѣ наблюденій на основаніи большого числа мелкихъ замѣтокъ, занесенныхъ въ экспедиціонный дневникъ на слѣдующее же утро послѣ каждаго изъ шаманскихъ сеансовъ, на которыхъ я присутствовалъ. Я допустилъ теперь только чисто редакціонныя, или даже скорѣе стилистическія, поправки.

Статья была просмотрѣна въ рукописи В. М. Ионовымъ; я обязанъ ему проверкою (по академической транскрипціи) правописанія якутскихъ словъ и выраженій, а также и цѣнными указаніями изъ области вѣрованій якутовъ, чѣмъ воспользовался для приданія описаніямъ большей точности. Воспользовался я также важными указаніями Э. К. Пекарскаго, сдѣланными имъ при чтеніи этой работы въ гранкахъ. Считаю долгомъ принести обоимъ этимъ лицамъ глубокую благодарность.

различать существенное и несущественное и т. д. Къ такого рода умственной работѣ недостаточно развитого человѣка нельзя не отнести съ значительной долей недоверія: нельзя рассчитывать встрѣтить у него такую способность къ обобщеніямъ, нельзя ожидать, что онъ въ состояніи предвосхитить то, что можетъ явиться лишь въ результатѣ кропотливой и добросовѣстной кабинетной работы изслѣдователя-этнографа. Не слѣдуетъ еще забывать, что гораздо чаще приходится даже не съ самимъ шаманомъ имѣть дѣло, а записывать шаманское дѣйствіе со словъ присутствовавшихъ на сеансѣ: какую бы наблюдательность ни предположить въ такихъ свидѣтеляхъ, никакъ нельзя быть увѣреннымъ, что ими подмѣчено все существенное съ точки зрѣнія науки, а если случайно и подмѣчено, то будетъ передано записывающему съ необходимою полнотою и точностью.

Второе требованіе, — относительно расчлененія дѣйствія на элементы, — имѣетъ своимъ основаніемъ необходимость *всесторонняго* изученія каждаго явленія жизни. Достаточно мнѣ было увидѣть шаманское дѣйствіе всего одинъ разъ, чтобы я пришелъ къ убѣжденію, что анализъ каждаго дѣйствія раскрываетъ массу такихъ свойствъ якутскаго существа, — физическаго и духовнаго, — которыя обнаруживаются только здѣсь и нигдѣ болѣе. Я укажу, напримѣръ, на движенія якута, когда онъ, въ качествѣ шамана, совершаетъ камланіе: такихъ движеній не приходится наблюдать ни при какихъ иныхъ случаяхъ жизни якутовъ. Въ частности, это относится къ *позамъ* шамана: къ такимъ позамъ, которыя якутъ принимаетъ, когда онъ, въ качествѣ шамана, приманиваетъ, при посредствѣ *цалбыр-а*, застѣвшихъ въ больномъ абѣсылар, или когда онъ собираетъ въ бубень знакомыхъ ему абѣсылар со своего олох-а послѣ предварительнаго вызыванія ихъ (обычное начало шаманскаго дѣйствія), — къ такимъ позамъ якутъ ни при какихъ иныхъ случаяхъ своей жизни неспособенъ.

Небезынтересно обратить вниманіе еще и на такую частность, какъ способъ употребленія бубна, имѣющаго мѣсто при шаманскихъ дѣйствіяхъ. Существуютъ изслѣдованія (проф. Д. Н. Анучина) о движеніяхъ и позахъ, вызываемыхъ употребленіемъ лука; равнымъ образомъ извѣстный интересъ представляетъ и изученіе способовъ держанія бубна и извлеченія изъ него звуковъ.

Но такое изученіе представляетъ особенный интересъ и съ точки зрѣнія религіозной. Предполагаемое религіозными воззрѣніями шаманистовъ вліяніе шамана на духовъ и несомнѣнное воздѣйствіе послѣдняго на психическое состояніе какъ его самого, такъ и окружающихъ, а особенно на больного, достигается не однимъ смысломъ произносимыхъ шаманомъ заклинаній. Вліяніе послѣднихъ *въ весьма значительной степени* усиливается воздѣйствіемъ на слуховой органъ присутствующихъ — интонаціи голоса, разнообразія извле-

каемыхъ при посредствѣ бубна звуковъ и бряцанія желѣзныхъ привѣсокъ шаманскаго одѣянія, на зрительный органъ—необычныхъ, то тихихъ и плавныхъ, то бурныхъ, даже безумно-дикихъ, движеній шамана. Слѣдуетъ замѣтить, что послѣднія иногда направлены непосредственно на зрителей: таковы, напримѣръ, обращенія якутскаго шамана къ присутствующимъ съ настойчивыми вопросами: *Ѡбустѣххін дуо?* или тыканіе *былѣях-омъ* по направленію къ зрителямъ, — наконецъ, движеніе, направленное къ тому, чтобы бросить горящими угольями изъ камина въ задремавшихъ зрителей.

Элементы, на которые я, по личнымъ наблюденіямъ, предлагаю разбивать каждое шаманское дѣйствіе и которые, слѣдовательно, необходимо описывать отдѣльно и систематически, можно перечислить въ такомъ порядкѣ:

1) обстоятельства, вызвавшія необходимость прибѣгнуть къ помощи шамана, характеристика приглашеннаго шамана и обстановка дѣйствія.

2) движенія шамана,

3) его позы,

4) бубень:

а) способъ извлеченія звуковъ,

б) звуковые эффекты,

5) интонація голоса,

6) порядокъ дѣйствія,

7) тексты и

8) наблюденія надъ отношеніемъ къ дѣйствію:

а) самого шамана и

б) присутствующихъ.

Къ сожалѣнію, я не всѣ эти элементы могу описать одинаково подробно, а нѣкоторые изъ нихъ совершенно ускользнули отъ моего наблюденія. По возможности, однако, я буду держаться этой схемы.

I. Въ ночь съ 29 на 30 іюня 1894 г.

1) *Обстоятельства, вызвавшія необходимость обращенія къ помощи шамана, характеристика приглашеннаго шамана и обстановка дѣйствія.*

Молодой и вполне здоровый якутъ, работая топоромъ, нанесъ себѣ рану на внутренней сторонѣ колѣна лѣвой ноги. Хотя онъ и почувствовалъ себя дурно (*унѣры гыммыт*) на нѣсколько секундъ, но въ состояніи былъ послѣ этого работать и ходить еще въ теченіе 4 дней. Только на пятый день опухоль ноги и общая слабость заставили его лечь въ постель.

Система лѣченія до приглашенія шамана мнѣ въ деталяхъ неизвѣстна. Но я знаю, что призывали нѣсколько разъ мѣнѣрик-овъ, приглашали священника для служенія молебна, а когда все это не помогло, то прибѣгли къ помощи шамана.

На этомъ первомъ шаманскомъ дѣйствіи я не присутствовалъ. По рассказамъ, шаманъ былъ безъ одѣянія, съ однимъ лишь бубномъ, и отправлялся за поисками души больного въ «верхній» міръ (Ѹсѣ кырбыт). Черезъ нѣсколько дней послѣ того, но до описываемаго мною сеанса, я отыскалъ вынесенный послѣ дѣйствія въ лѣсъ баѣх, служившій при этомъ дѣйствіи, и сдѣлалъ съ него прилагаемый фотографическій снимокъ (рис. 1).



Рис. 1.

29 іюня былъ вторично приглашенъ тотъ же шаманъ, по якутскому имени—Чыбѣкы, и дѣйствіе онъ производилъ въ счетъ полученной за первое камланіе платы — 2 рубля.

Тутъ слѣдуетъ сказать, что Чыбѣкы долгое время былъ простымъ мѣнѣрик-омъ и лишь въ послѣдніе два-три года сталъ производить шаманскія дѣйствія. Всѣ якуты согласны въ томъ, что онъ—«плохой» (кусаѣан) шаманъ.

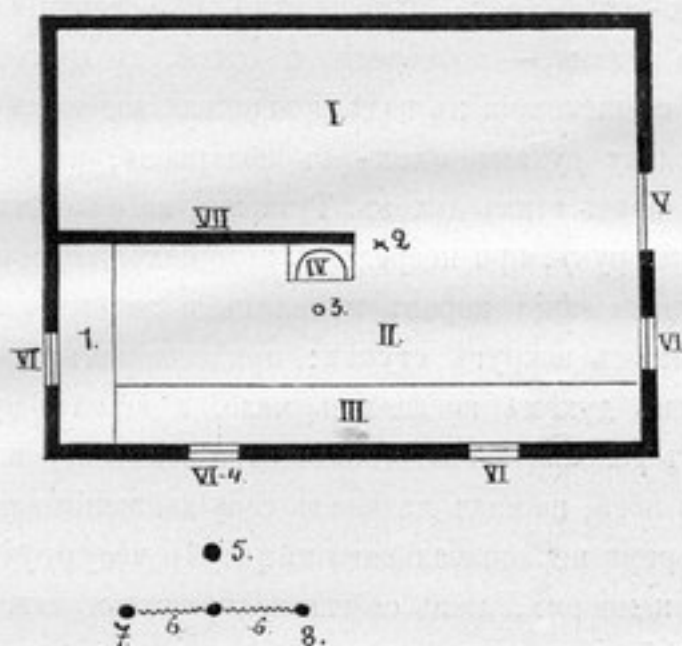
Еще замѣчу, что у этого шамана есть только бубенъ, но одѣянія нѣтъ. Первый актъ (олоххо озорор),

при которомъ я не присутствовалъ, былъ произведенъ имъ только съ бубномъ и колотушкой въ рукахъ. Затѣмъ пріѣхалъ я съ якутомъ, который привезъ шаманскій кафтанъ и бубенъ, принадлежавшіе Э. К. Пекарскому. Шамана не смутило то обстоятельство, что эти вещи, въ видѣ рѣдкости, находились въ рукахъ «русскаго», и, по словамъ присутствовавшихъ, онъ былъ «радъ» (Ѹѣрдѣ), узнавъ, что привезенъ кафтанъ. Точно такъ же и противъ моего присутствія при дѣйствіи шаманъ ничего не возмѣлъ.

Баѣхъ былъ водруженъ прежній: шаманъ опять производилъ дѣйствіе Ѹсѣ кырар. Замѣчу тутъ же, что, возвращаясь съ этого дѣйствія домой, онъ говорилъ своему спутнику, что не мѣшало бы и алларѣ кырыахха

(произвести дѣйствіе, при которомъ душа больного разыскивается въ «нижнемъ» мірѣ),— не могъ ли бы я, молъ, тогда добиться толку? (хајыабым абіта буолла?).

Баѣах состоялъ изъ трехъ деревцовъ (рис. 2),—двухъ лиственницъ и березки,—расположенныхъ по прямой линіи на дворѣ параллельно южной стѣнѣ юрты. На среднемъ деревцѣ, березкѣ, была распростерта чайка (ханјѣх), убитая безъ пролитія крови,—головой кверху, грудью и брюхомъ къ югу. На лиственницу къ востоку отъ березки былъ воткнутъ черепъ лошади: деревцо вошло въ затылочную дыру, и передними зубами черепъ



I—отдѣленіе для скота. II—жилая часть юрты. III—лавка, на которой сидѣли присутствовавшіе. IV—каминъ. V—входная дверь. VI, VI, VI, VI—окна. VII—перегородка въ юртѣ. 1—лавка, на которой лежалъ больной. 2—мѣсто, откуда шаманъ началъ расшевеливать абѣсыларъ въ больномъ при помощи цалбыр-а. 3—мѣсто, гдѣ сидѣлъ шаманъ во время дѣйствія олоххо олорор. 4—окно, къ которому обращался шаманъ, когда отправлялся на «югъ» и «вверхъ». 5—«столъ». 6, 6—сіті. 7—лиственница съ конскимъ волосомъ и ленточками кумачу. 8—лиственница, на которую былъ насаженъ конскій черепъ. Кругокъ между послѣдними двумя ЛЛ—березка съ чайкой.

Рис. 2.

направлялся кверху; но я, къ сожалѣнію, не отмѣтилъ, какою стороною, лобною или нѣбною, черепъ былъ обращенъ къ югу. На третьемъ деревцѣ ничего не было. Всѣ три дерева были увѣшаны конскимъ волосомъ и лоскутками (въ видѣ ленточекъ) кумачу, а затѣмъ попарно соединены веревочкой изъ конскаго волоса—сіті. Кромѣ того, между этими тремя деревьями и стѣною юрты, ближе къ первымъ (къ березкѣ), стоялъ «столъ» (остуол—русское слово столъ, измѣненное согласно фонетическимъ особенностямъ якутскаго языка)—воткнутый въ землю колъ съ прикрѣпленной къ нему наверху квадратной дощечкой: на этотъ «столъ» во время дѣйствія поставили чашку съ водкой.

2) Движенія.

Можно, кажется, сказать, что, за исключеніемъ тѣхъ положеній, которыя я опишу ниже, какъ *позы* шамана, во все время дѣйствія шаманъ вовсе не находился въ спокойномъ состояніи. Когда онъ сидѣлъ, то въ тактъ выкрикамъ или поматывалъ слегка головой, или, приподымая слегка плечи и откидываясь немного назадъ, при извѣстномъ усиленномъ звуковомъ эффектѣ быстро опускалъ плечи и подавался впередъ. Такія движенія мнѣ называли просто *мѡңсѡр* — производить рѣзкія движенія. Въ сидячемъ положеніи, на олох-ахъ своего путешествія въ «верхній» міръ, шаманъ дѣлалъ движенія руками, — поочередно то одной, то другой, — отбрасывая ихъ отъ себя со сложенными въ видѣ пригоршни ладонями и пальцами, что обозначаетъ раздачу духамъ олох-овъ подарковъ, принесенныхъ шаманомъ, чтобы задобрить этихъ духовъ. Тутъ же, на олох-ахъ, шаманъ имитировалъ движенія рукъ, при посредствѣ которыхъ женщины скручиваютъ веревки для привязыванія коровъ и телятъ и затѣмъ скрученную часть веревки обматываютъ вокругъ ступни: принесенныхъ, якобы, шаманомъ съ собой веревокъ духамъ показалось мало, и шаманъ тутъ же занялся, якобы, сученіемъ дополнительнаго количества этихъ веревокъ.

Вставая на ноги, шаманъ начиналъ свои движенія плавно. При этомъ одинъ разъ (во время первоначальнаго *нѡңніјѡр* и *сѡргѡјѡр*) онъ ходилъ по юртѣ передъ каминомъ, лишь слегка подпрыгивая каждый разъ, когда касался земли той или другой ногою, подергивая при этомъ плечомъ и поворачивая каждый разъ голову то вправо, то влево; въ другой разъ (при вторичномъ *нѡңніјѡр* и *сѡргѡјѡр*, передъ уходомъ въ «верхній» міръ) онъ началъ сразу же съ подпрыгиванія на обѣихъ ногахъ, сохраняя только-что описанныя другія движенія и медленно доводя ихъ до степени быстрыхъ и бурныхъ. Такіе способы движенія носятъ названіе *ѡккірѡн мѡңсѡр* — *производитъ рѣзкія движенія при условіи подпрыгиванія*. Ко второму способу шаманъ приходилъ и всякій разъ, когда втягивалъ въ себя абасы изъ больного, но при этомъ его движенія становились сразу же быстрыми и бурными. Последнимъ свойствомъ эти движенія обязаны тому, что всѣ они становятся учащеннѣе, а ихъ траекторія длиннѣе, — шаманъ, кромѣ отступательныхъ и поступательныхъ движеній, начинаетъ еще вертѣться, сохраняя всѣ элементы движенія, а вращенія головы, кромѣ общаго усиленія и учащенія, приобрѣтаютъ двоякій характеръ: при условіи общности оси головы и тѣла и при условіи наклоненія головы до такого положенія, что ея ось становится почти подъ прямымъ угломъ къ оси тѣла. Доведя свои движенія до апогея, шаманъ все чаще и чаще переводилъ голову изъ одного положенія въ другое.

Въ то же время, т. е. въ моменты особенной быстроты и бурности движеній, шаманъ иногда быстро подергивалъ лѣвую ногу назадъ.

Одинъ разъ (а именно: окончивъ сүргүјяр передъ уходомъ въ «верхній» міръ) шаманъ, отворачиваясь отъ постели больного, сдѣлалъ поворотъ правою ногою впередъ вокругъ лѣвой, такъ что корпусомъ описалъ около 270°.

Наконецъ, когда шаманъ, вставъ съ послѣдняго олох-а во время своего путешествія въ «верхній» міръ, началъ подпрыгивать и пѣть безъ бубна (въ бубень билъ одинъ изъ присутствовавшихъ якутовъ), то онъ вначалѣ, подпрыгивая на обѣихъ ногахъ, опускалъ ихъ не на прежнее мѣсто (не «на мѣстѣ» подпрыгивалъ), а передвигалъ ихъ обѣ разомъ то направо, то налѣво; однако, движенія эти были незначительны, и притомъ ноги въ колѣняхъ почти не сгибались.

Изъ движеній руками я замѣтилъ хлопанье въ ладоши, — какъ это дѣлаютъ обыкновенно мѣннѣрик-и во время припадковъ. Это произошло всего одинъ лишь разъ, именно: когда шаманъ перетянулъ въ себя одного изъ абасы, поселившагося было въ больномъ. Кромѣ того, шаманъ имитировалъ битье въ бубень, когда хотѣлъ, чтобы ему его подали.

Этимъ исчерпывается все, что удалось мнѣ замѣтить и записать о движеніяхъ мѣңсѣр или ѣккірѣн мѣңсѣр. Нѣсколько иного рода были движенія шамана, когда онъ перетянулъ въ себя уѣр-я бывшаго улуснаго головы Е. Д. Николаева, зарѣзавшагося въ тифозномъ бреду нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Шаманъ при этомъ особенно волновался, и его движенія были особенно порывисты; онъ все просилъ кѣѣх бѣ — синее лезвее, т. е. ножъ, рѣзалъ себѣ горло былѣјах-омъ. Наконецъ, тутъ его движенія показались присутствовавшимъ настолько угрожающими, что нѣсколько человѣкъ крикнули: «держите его!» Четыре якута едва въ состояніи были сдерживать разбушевавшагося духа (въ лицѣ шамана): онъ все пытался укусить державшія его руки. Когда шаманъ сталъ, повидимому, успокаиваться, то ему съ силою разжали стиснутыя кулаками руки и втиснули въ правую руку былѣјах, въ лѣвую — бубень.

Наконецъ, совершенно отличны были движенія шамана, когда онъ посылалъ впередъ (уѣтѣр), передъ своимъ отправленіемъ въ «верхній» міръ, свои подарки духамъ послѣдняго. Шаманъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, держа въ правой рукѣ былѣјах, лѣвая рука висѣла, какъ плеть, а правою онъ совершалъ движенія сверху внизъ, описывая дугу по направленію впередъ, причемъ вся правая часть его тѣла слегка изгибалась снизу вверхъ. Эти движенія повторялись при каждомъ выкрикиваніи шамана, — очень много разъ.

Какъ отдѣльное движеніе головы, слѣдуетъ отмѣтить лишь быстрое и съ короткой траекторіей мотанье головой при возгласѣ: «бррр! . . .» — на

подобіе того, какъ это иногда наблюдается у человѣка, котораго постигла рвота, или вообще въ случаѣ желанія отдѣлаться отъ воспоминанія о непріятномъ или жуткомъ ощущеніи.

Нужно упомянуть еще о томъ, что шаманъ нѣсколько разъ во время *аккіран мѵсѵр* проводилъ бубномъ по спинѣ и задней части тѣла, какъ бы приводя въ соприкосновеніе бубенъ со своимъ кафтаномъ, а, можетъ-быть, главнымъ образомъ съ желѣзными привѣсками на немъ. Точно такъ же, когда въ бубенъ ударялъ якутъ-зритель и руки шамана были свободны, то послѣдній ощупывалъ эти привѣски руками. Когда же послѣ этого шаманъ потребовалъ бубенъ, то прежде чѣмъ ударять въ него, онъ сталъ его обнюхивать.

Возвращаясь изъ «верхняго» міра въ «средній», т. е. спускаясь на землю, шаманъ сталъ вдругъ имитировать (или на самомъ дѣлѣ ощущать) непреодолимую дремоту: зашатался, опустил руки съ бубномъ и колотушкой и наклонился впередъ. Потомъ сталъ обходить ряды зрителей, тыча въ воздухъ по направленію къ нѣкоторымъ (между прочимъ, и ко мнѣ) колотушкой, а затѣмъ дѣлалъ попытки бросить горячей головней въ задремавшихъ, отъ чего его удержали.

3) Позы.

Позы, которыя принималъ описываемый шаманъ, немногочисленны, но не лишены интереса, какъ специально принадлежащія шаману во время дѣйствія.

При посредствѣ *цалбыр*-а, — длинной талины, недалеко отъ верхняго конца которой привязаны три кисти изъ конскаго волоса (рис. 3), — шаманъ вызываетъ или, такъ сказать, расшевеливаетъ въ больныхъ *абасылар*,



Рис. 3.

причиняющихъ болѣзни, и приманиваетъ ихъ, чтобы затѣмъ переселить ихъ въ себя. Для этого онъ начиналъ свои заклинанія иногда издали, иногда — вблизи больного, но во всякомъ случаѣ держалъ *цалбыр* по направленію къ больному и верхній конецъ его нѣсколько повыше послѣдняго. Онъ часто перекладывалъ при этомъ *цалбыр* изъ одной руки въ другую. Пози, которую онъ принималъ при дѣйствіи съ *цалбыр*-омъ, слѣдующая: рука, держащая *цалбыр*, покоится локтемъ на колѣнѣ, а другая — на колѣнѣ же, но ладонью, при чемъ локоть выгибается наружу. Пози получалась довольно

эффектная. Для полноты картины слѣдуетъ добавить, что по временамъ шаманъ подымалъ слегка голову и плечи и затѣмъ разомъ опускалъ ихъ (движеніе, описанное въ предыдущемъ параграфѣ). По мѣрѣ приближенія къ больному позы шамана становились какъ бы грознѣе, и онъ, наконецъ, застывалъ надъ больнымъ въ такомъ положеніи: стоя близко у постели больного, касаясь ея колѣнями, шаманъ изогнулъ корпусъ въ талии подъ прямой уголъ и надъ самымъ лицомъ больного продолжалъ свои заклинанія въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. При этомъ въ одномъ случаѣ руки его были у головы больного (манипуляцій руками я, къ сожалѣнію, не могъ разглядѣть), а въ другомъ—на спинѣ, но не прикасались одна къ другой, а судорожно сжимались каждая порознь. Поза эта, и сама по себѣ внушительная, становится еще болѣе эффектною отъ выкрикиваній шамана съ частымъ повтореніемъ слова *ноко!* (обычное обращеніе къ мальчику и съ выраженіемъ презрѣнія—къ взрослому).

Во время перваго нѣцнїяр шаманъ дѣлалъ видъ, что вглядывается вдаль. У него при этомъ въ рукахъ были бубенъ и колотушка, и защищалъ глаза, якобы отъ свѣта, онъ одною правою рукой, въ которой держалъ колотушку. Поэтому поза только едва замѣтно выражала дѣйствіе, которое шаманъ изображалъ въ этотъ моментъ. Но въ другой разъ эта поза «высматриванія» была выражена рельефнѣе. Это было въ тотъ моментъ путешествія въ «верхній» міръ, когда шаманъ *ѣккірѣн мѣнсубут* подъ звуки бубна, бывшаго въ рукахъ другого якута. Обѣ руки шамана были свободны, и онъ обѣими защищалъ глаза отъ предполагаемаго свѣта, не прикасаясь ладонями рукъ ко лбу, а держа ихъ въ изогнутомъ въ локтяхъ положеніи на нѣкоторомъ разстояніи отъ головы. На этотъ разъ онъ вглядывался не вдаль, а внизъ и вверхъ,—сообразно тому, что свое путешествіе онъ теперь совершалъ по направленію снизу вверхъ. Нѣкоторые якуты при этомъ дѣлали предположеніе, что шаманъ отдалился отъ своего бубна, и звуки послѣдняго не долетали въ этотъ моментъ до слуха шамана, и что, вглядываясь, шаманъ старался опредѣлить, гдѣ находится этотъ бубенъ. Но большинство якутовъ склонялось къ тому, что шаманъ разсматривалъ существа (*цон*), которыхъ онъ замѣтилъ впереди себя (вглядываніе вверхъ) или позади себя (вглядываніе внизъ).

Желая вселить въ себя абасы, замѣченнаго у «стола», внѣ юрты, около базах-а, шаманъ стремительно бросился на землю и распростерся по землѣ ницъ. Ноги его были вытянуты, а руки—плечевая часть въ сторону, локтевая—впередъ. Эту позу онъ сохранялъ, причитая заклинанія, до тѣхъ поръ, пока его не подняли и не внесли въ юрту.

Наконецъ, позы, которыя принималъ шаманъ два раза, когда «падалъ въ обморокъ» (одинъ разъ—*уцан тустѣ*, другой разъ—*нухѣрыжан*

тѣстѣ), не представляли собой ничего особеннаго. На мой взглядъ, даже имитация была не особенно удачна.

4) Бубенъ.

а) Способы извлеченія звуковъ.

Изъ бубна шамана, какъ изъ инструмента *ударнаго*, звуки извлекаются при посредствѣ удара колотушкой по перепонкѣ бубна.

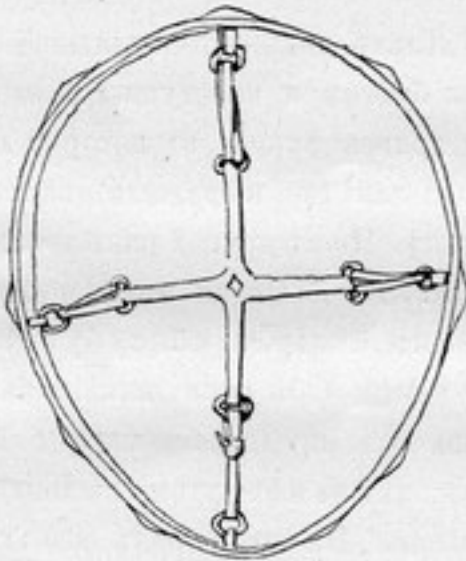


Рис. 4.



Рис. 5.

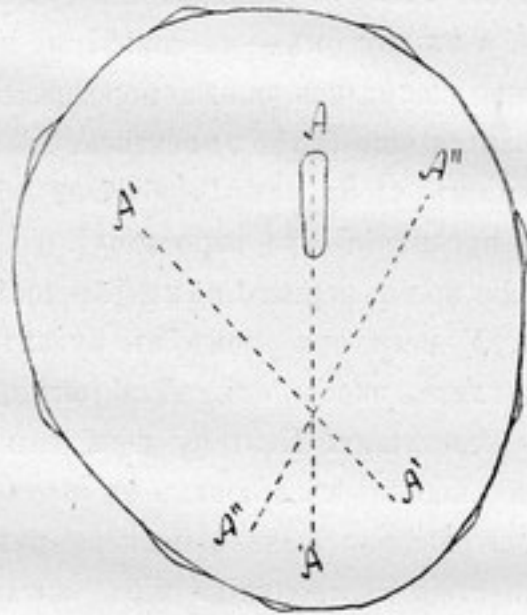


Рис. 6.

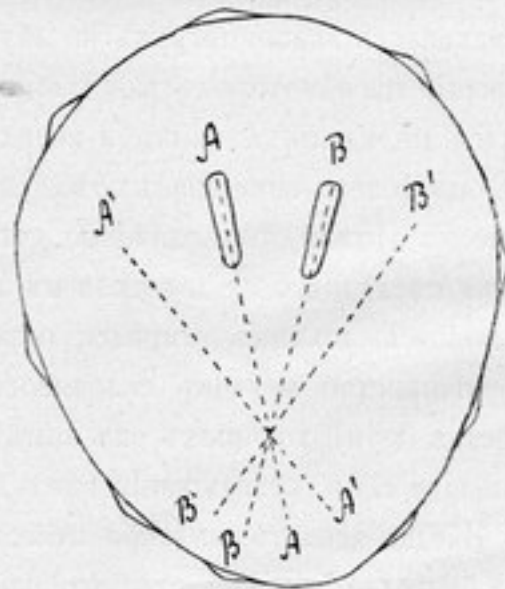


Рис. 7.

Бубенъ (рис. 4) шаманъ держитъ за желѣзную крестовину, концы которой прикрѣплены къ обечайкѣ при посредствѣ ремешковъ.

Удары можно раздѣлять на одиночные и двойные.

Первые (рис. 6) достигаются тѣмъ, что колотушка (рис. 5), переходя изъ положенія А'А' въ положеніе А''А'', въ моментъ нахожденія въ положеніи АА прикасается своею выпуклою, обтянутою кожей поверхностью къ перепонкѣ бубна, а изъ положенія А''А'' колотушка переходитъ въ положеніе А'А', уже не прикасаясь къ перепонкѣ. Двойной ударъ сложнѣе. Изъ положенія А'А' (рис. 7) колотушка приходитъ въ положеніи АА въ соприкосновеніе съ перепонкой, послѣ чего уходитъ въ положеніе В'В', откуда возвращается въ положеніе А'А', опять задѣвая въ положеніи ВВ перепонку. Получается двойной ударъ, хотя и не всегда въ двухъ разныхъ мѣстахъ, или, по крайней мѣрѣ, эти мѣста находятся весьма близко другъ отъ друга: такъ, слѣдъ на перепонкѣ бубна отъ ударовъ по ней колотушкой раза въ три больше соприкасающейся съ перепонкой поверхности колотушки. При двойномъ ударѣ замѣчается еще одинъ слабый ударъ нижнею частью колотушки (концомъ рукоятки), остающеюся свободной, такъ какъ рука охватываетъ лишь часть рукоятки. Ударъ приходится въ промежуткѣ между А и В (рис. 7), и это объясняется тѣмъ, что колотушка держится очень близко къ перепонкѣ бубна. При очень сильныхъ двойныхъ ударахъ этотъ третій звукъ или заглушался или не давался вовсе (колотушка отскакивала слишкомъ далеко отъ перепонки); во всякомъ случаѣ я его тогда не различалъ.

б) Звуковые эффекты.

Звуковые эффекты различаются только темпомъ и силою, а не высотой, такъ какъ у бубна нѣтъ приспособленія для натягиванія перепонки, какъ у нѣкоторыхъ видовъ барабановъ.

Если принять одиночные, сильные удары (напримѣръ, когда шаманъ, доведя абасы до опредѣленнаго пункта въ своемъ пути на «югъ», отправляетъ его дальше одного, а самъ возвращается назадъ) за цѣлую ноту, то по приблизительному расчету можно допустить, что въ звукахъ имѣются еще половинныя, четвертныя и восьмыя ноты. Половинныя ноты даются двойными ударами при средней силѣ звука, четвертныя — въ случаяхъ значительнаго ослабленія звуковъ и при самомъ сильномъ возбужденіи шамана, а восьмыя — при самыхъ слабыхъ звукахъ (напримѣръ, при вторичномъ нѣңніјәр). Четвертныя же ноты получаются и при одиночныхъ слабыхъ ударахъ, напримѣръ, при появленіи соххор кălănî.

Изъ этого вытекаетъ, что по силѣ своей звуковые эффекты различаются весьма значительно; но, констатируя полную силу удара, я не могу сказать, чтобы въ данномъ случаѣ я наблюдалъ и слабѣйшую: мнѣ кажется, что этотъ шаманъ не доводилъ силы звука до минимума.

5) *Интонація голоса шамана.*

Въ интонаціяхъ голоса шамана, конечно, всѣ элементы звука — на-
лицо: сила, темпъ и высота. Но и здѣсь я долженъ констатировать, что осо-
бенно слабыхъ звуковъ у этого шамана я не наблюдалъ. Хотя звуки бывали
настолько слабы, что иногда ихъ вовсе не было слышно за оглушительными
ударами въ бубень, но это была лишь *относительная* слабость звуковъ.
При началѣ цалбыяр сила голоса была, кажется, наименьшая, но все же
не минимальная. Зато въ противоположную сторону сила звука была дово-
дима до крайности. Наиболее сильные звуки, насколько могу припомнить,
вылетали изъ груди шамана, когда онъ старался переселить въ себя абасы
изъ больного: значительно усиливая звуки своего голоса, шаманъ довелъ
ихъ до того, что они превратились въ выкрикиванія полною грудью, — это
былъ, по силѣ звука, крикъ погибающаго о помощи.

Темпъ пѣнія якутовъ и ихъ гамма (или гаммы) не подавались вообще
анализу для моего слухового аппарата, хотя попытки записыванія якутскихъ
мелодій я дѣлалъ въ первый же годъ моего пребыванія въ якутской средѣ.
Такъ какъ нѣкоторый музыкальный слухъ и нѣкоторая музыкальная память
у меня есть, — и бывали случаи, когда я, прослушавъ всего разъ или два
несложный мотивъ въ темперированной гаммѣ и въ обычномъ для культур-
ныхъ народовъ темпѣ, безъ особеннаго напряженія возстановливалъ и запи-
сывалъ его по памяти, — то я не сомнѣваюсь, что гамма якутовъ и темпъ ихъ
музыки совершенно не совпадаютъ съ тѣми же элементами музыки куль-
турныхъ народовъ. Съ другой стороны, играя на скрипкѣ (даже *pizzicato*)
записанный мною якутскій мотивъ якуту, который только-что исполнялъ
для меня этотъ мотивъ, я ни разу не могъ добиться пониманія якутомъ того,
что онъ слышитъ. Съ третьей стороны, хотя немало есть якутовъ, дости-
гающихъ въ другихъ областяхъ довольно высокихъ ступеней культуры, но
я не видѣлъ никогда якута, который въ состояннн былъ бы не только пѣть
въ гаммѣ и темпѣ культурныхъ народовъ, но даже сознательно относиться
къ ихъ музыкѣ (рисовальщиковъ съ соблюденіемъ правилъ перспективы я
встрѣчалъ).

Упомяну въ заключеніе о звукахъ «бррр!....», о которыхъ я говорилъ
выше въ параграфѣ о движеніяхъ, а также о странномъ выговорѣ, кото-
рый употребляетъ шаманъ, когда говоритъ отъ лица духа соххор кălānī.
Прежде всего, этотъ духъ — заяка: слова ар цāлы, наримѣръ, онъ про-
износитъ: а . . . а . . . аррр . . . цāлы и т. п., а затѣмъ выговоръ здѣсь
несовершененъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, — напоминаетъ не то
лепетъ ребенка, не то — бормотанье придурковатаго.

6) *Порядокъ дѣйствія.*

Порядокъ дѣйствія я могу описать не съ самаго начала, такъ какъ я не присутствовалъ при первомъ актѣ—вызываніи духовъ, такъ называемомъ олоххо олорор. Здѣсь, вѣроятно, мнѣ удалось бы наблюсти, скажу кстати, наислабѣйшіе звуки бубна и голоса шамана.

Когда я вошелъ въ юрту, то шаманъ сидѣлъ на табуреткѣ ближе къ восточному углу юрты, такъ что я принужденъ былъ пройти между шаманомъ и каминомъ. Шаманъ былъ уже въ кафтанѣ, а у огня камина какой-то якутъ просушивалъ только-что привезенный бубень, изрѣдка поколачивая по нему колотушкой и проводя ею по всему бубну,—способъ опредѣлить, насколько бубень просушенъ и готовъ къ употребленію. Черезъ нѣсколько минутъ шаманъ потребовалъ трубку съ табакомъ, нѣсколько разъ затянулся табачнымъ дымомъ и попросилъ бубень, который ему и подали. Онъ всталъ и прошелся по юртѣ, подергивая плечомъ и головой и слегка поколачивая въ бубень колотушкой, но тотчасъ же возвратилъ бубень, сказавъ, что онъ не годится, такъ какъ слишкомъ отсырѣлъ, и потребовалъ, чтобы просушили его собственный бубень. Подсушили этотъ бубень сравнительно очень скоро, такъ какъ, очевидно, онъ былъ хорошо просушенъ и раньше.

Началось второе дѣйствіе — предварительное нѣцніјар и сүргүјар: шаманъ, по объясненію якутовъ, развѣдывалъ, такъ сказать, почву,—старался опредѣлить, въ какую сторону направить свои розыски злого духа, похитившаго на этотъ разъ душу больного. Дѣйствительно: временами онъ переставалъ бить въ бубень и вглядывался вдаль. Все же дѣйствіе заключалось сначала въ медленныхъ движеніяхъ и слабыхъ звукахъ голоса и бубна, но тѣ и другіе постепенно возрастали въ своей быстротѣ и силѣ и, хотя и не надолго, были доведены до апогея, при чемъ шаманъ обратился лицомъ къ южному окну юрты. Дѣйствіе продолжалось минутъ 15—20. Среди дѣйствія шаманъ подражалъ ржанію лошади и изобразилъ голосомъ подобіе крика какой-то птицы.

Третье дѣйствіе заключалось въ томъ, что шаманъ переселялъ въ себя абасылар изъ больного и отправлялъ ихъ на «югъ».

Имѣетъ ли это дѣйствіе, включая сюда и цалбыјар, специальное названіе,—я не знаю.

Шаману пришлось выпроваживать четырехъ абасы.

Въ *первый* разъ шаманъ сѣлъ на полъ за каминомъ, недалеко отъ входныхъ дверей, лицомъ къ больному, держа то въ правой, то въ лѣвой рукѣ цалбыр, который направлялъ въ сторону больного. Постепенно онъ подвигался къ больному, не вставая съ земли, усиливая голосъ и учащая движенія головы. Подползши къ больному на разстояніе аршина, онъ сѣлъ

на поставленную ему табуретку и продолжалъ вычитывать заклинанія, касаясь больного цалбыр-омъ. Это-то дѣйствіе и называется цалбыјар. Медленно поднявшись съ табуретки и бросивъ цалбыр, шаманъ наклонился надъ больнымъ, значительно усиливая звуки своего голоса. Звуки эти достигли, наконецъ, силы выкрикиванія, какъ если бы кто-нибудь настоятельнѣйшимъ образомъ требовалъ исполненія своей воли, грозя при этомъ чѣмъ-то ужаснымъ. Этотъ моментъ дѣйствія называется сосутан абасы-тын ылаы бахсырыјар. Рѣзкимъ движеніемъ шаманъ обозначилъ моментъ, когда втянулъ въ себя абасы изъ больного, заколотилъ въ поданный ему тотчасъ бубенъ и завертѣлся. Въ это время нѣкоторые изъ присутствовавшихъ стали его колоть пиками (уңу — семь штукъ)¹. Движенія шамана (соѳурѹ діаккі хајысан аккірѣн мѣңсѣр), удары въ бубенъ (двойные и частые) и пѣніе имѣли тотъ смыслъ, что шаманъ провожаетъ на «югъ» абасы, извлеченнаго имъ изъ больного. Дойдя до опредѣленнаго пункта, шаманъ отправляетъ дальше духа одного и затѣмъ возвращается къ больному. Это выражалось въ томъ, что шаманъ производилъ свои движенія очень быстро, медленно подвигаясь отъ камина къ окну, выходящему на югъ, и — обратно, и большею частью обращая лицомъ къ тому же окну. Моментъ, когда онъ отправляетъ абасы дальше одного и послѣ чего, слѣдовательно, возвращается назадъ, рѣзко былъ обозначенъ 2—3 одиночными ударами въ бубенъ и высокими прыжками.

Во второй разъ повторилось почти буквально то же самое, но шаманъ тутъ сразу же сѣлъ около больного, и пиками его не кололи. Втянувъ въ себя абасы, шаманъ упалъ въ обморокъ, и его приводили въ чувство, давая ему нюхать хатат — огниво. Послѣ этого переселившійся въ шамана абасы потребовалъ водки; шаману поднесли ее въ чашкѣ, но онъ лишь сдѣлалъ видъ, что пьетъ (чмокалъ губами), и водку выплеснули въ огонь.

Въ третій разъ шаманъ, втянувъ въ себя (изъ больного) уѣр-я зарѣзавшагося головы Николаева, пришелъ въ изступленіе, требовалъ кѹѣх бі — синее лезвее, т. е. ножъ, водилъ по горлу колотушкой. Его подхватили четыре человѣка и едва въ состояніи были удерживать: онъ старался укусить себѣ и державшимъ его людямъ руки. Съ трудомъ ему разжали руки, чтобы вставить въ лѣвую бубенъ, а въ правую — колотушку.

Наконецъ, въ четвертый разъ повторилось то же, но когда шаманъ отправлялъ абасы на «югъ», то увидѣлъ, что у абасы (или ојун) сѣргѣтѣ (баѣах) пьетъ водку другой абасы; онъ бросилъ бубенъ и колотушку

¹ Въ первоначальной записи сказано «стрѣлами». Но такъ какъ у меня записано по-якутски уңу, что значитъ пика, а для стрѣлы названіе — ох, то я теперь замѣнилъ слово «стрѣлами» словомъ «пиками».

и стремительно бросился на дворъ, — упалъ ницъ на землю и втянулъ въ себя и этого абасы. Его бросились подымать и втащили въ юрту изнеможеннымъ.

Этимъ закончилось третье дѣйствіе.

Четвертое заключалось въ томъ, что шаманъ отправлялся въ «верхній» міръ (за отысканіемъ души — кут — больного) и возвращался оттуда.

Предварительно шаманъ ѱотър: обратясь къ южному окну юрты, производя плавныя движенія всѣмъ тѣломъ и въ особенности правою рукою съ колотушкой по направленію къ югу, причемъ поводитъ рукою сверху внизъ, онъ тѣмъ отправляетъ впередъ свои подарки духамъ, — чайку, водку, т. е. все, что находится около баѳах-а. Передъ этимъ шаманъ замѣтилъ, что хорошо было бы, если бы кто-нибудь съ нимъ ѱотусър. Отыскался парень, который, надѣвъ картузь и взявъ въ руки ѳалбыр, сталъ рядомъ съ шаманомъ по лѣвую его руку и повторялъ движенія и заклинанія шамана. Это и значитъ, что человекъ ѱотусър съ шаманомъ.

Послѣ этого шаманъ нѣннїяр и сургужяр: слегка подпрыгивая и ударяя въ бубенъ надъ больнымъ, шаманъ высѣживалъ, не осталось ли около больного какого-нибудь абасы.

По предположенію В. М. Іонова, шаманъ, должно быть, также вылавливалъ при этомъ въ бубенъ оставшихся абасылар.

Движенія и звуки бубна усиливаются и учащаются. Шаманъ прощается съ «этимъ» міромъ, обходя присутствующихъ и кланяясь имъ. Наконецъ, онъ отправляется въ «верхній» міръ. Проходитъ 9 олох-овъ, — по словамъ однихъ изъ присутствовавшихъ, причемъ другіе говорили, что шаманъ уходилъ до іккі тобус олох, основывая свое предположеніе на томъ, что во время этого путешествія шаманъ садился *дважды*. На олох-ахъ, останавливаясь, шаманъ кланяется духамъ олох-а и разбрасываетъ имъ свои подарки, — крутитъ веревки (имитация), причемъ матеріаломъ служатъ волосы съ его головы, которые онъ вырываетъ (имитация), — мѣрряетъ эти веревки и потомъ вытягиваетъ. Крученіе веревокъ явилось результатомъ того, что веревокъ, отправленныхъ раньше въ видѣ подарковъ, показалось духамъ мало.

Вставъ послѣ этого, чтобы продолжать свой путь, шаманъ уже не билъ въ бубенъ, а за него били попеременно два якута. При этомъ онъ останавливался и вглядывался внизъ и вверхъ. Одни якуты объясняли это тѣмъ, что шаманъ пересталъ слышать (сутърдѣ) звуки бубна; но другіе не допускали возможности этого и думали, что шаманъ кого-нибудь увидѣлъ на пути за собой или впереди себя.

Взявъ въ руки бубенъ, шаманъ прежде всего обнюхалъ его, поколачивая колотушкой, и, признавъ его по запаху, очевидно, своимъ, неистово заколотилъ въ него.

На «обратномъ» пути шамана начала одоѣвать дремота: онъ наклонился впередъ, зашатался, опустилъ руки съ бубномъ и колотушкой.

Послѣ этого онъ старался обнаружить спящихъ среди присутствовавшихъ: сталъ обходить сидящихъ на орон-ахъ, тыкать колотушкой по направлению къ нѣкоторымъ изъ нихъ, между прочимъ — и ко мнѣ, и въ задремавшихъ хотѣлъ бросить горящими углями, отъ чего его, однако, успѣли удержать.

Возвратясь въ «средній» міръ, шаманъ погрузился въ полудремотное состояніе (нухāрыян, аңāрыян, туімāрыян тўстā). Для приведенія его въ чувство стали выбивать надъ нимъ огонь изъ кремня. Придя немного въ себя, шаманъ сталъ самъ указывать, надъ какою частью его тѣла надо высѣкать огонь: правая нога, темя, шея съ тылу.

Въ «средній» міръ шаманъ привелъ съ собою духа соххор кālānī (āратāҕы абāсы — встрѣченный на пути духъ-пожиратель). Шаманъ подсеѣлъ очень близко къ камину, на огнѣ котораго зажгли сiāl и масло. Шаманъ выговаривалъ шуточные слова (отъ имени духа), слегка ударяя въ бубенъ и приложивъ послѣдній къ щекѣ.

Заключительное дѣйствіе: шаманъ поетъ заклинаніе (алгыр бўтāрi-гār), сидя на олох-ѣ.

7) Текстъ.

Текста я не записывалъ, такъ какъ нахожу эту работу совершенно непосильной для себя.

Независимо, однако, отъ этого не могу не высказать своихъ соображеній относительно возможности и условій продуктивности такой работы.

Я сдѣлалъ выше предположеніе, что только записываніе текстовъ изъ устъ шамана *во время самаго дѣйствiя* можетъ дать вполне годный для научныхъ обобщеній матеріалъ. Но при помощи обычныхъ средствъ записыванія это представляется мнѣ мало достижимымъ. Препятствiя сводятся не только къ тому, что *неловко* записывать въ виду важности, въ глазахъ якутовъ, происходящаго дѣйствiя, но еще и къ тому, что записываніе на глазахъ у всѣхъ можетъ имѣть нежелательное, съ точки зрѣнiя требованій научнаго изслѣдованiя, влiяніе на *ходъ* дѣйствiя. Непреодолимы и физическія препятствiя. При шаманскихъ дѣйствiяхъ въ юртѣ или совершенно темно, или полусвѣтъ: писать почти немыслимо. Да и что писать?—Каково бы ни было знакомство изслѣдователя съ языкомъ, во всякомъ шаманскомъ заклинанiи онъ встрѣтитъ массу непонятныхъ словъ, что сильно затруднитъ записываніе. Относительнаго успѣха могъ бы достичь природный якутъ, предварительно достаточно подготовленный тщательнымъ изученiемъ литературы, очень интересующійся предметомъ и въ совершенствѣ владѣю-

щей стенографіей (которую для якутскаго языка нужно еще создать). Рождается вопросъ, не есть ли примѣненіе фонографа единственное средство выйти изъ затрудненія; но остается и въ этомъ случаѣ неустранимымъ одно обстоятельство, которое окажетъ вліяніе на характеръ дѣйствія: шаманъ будетъ знать, что производитъ свое дѣйствіе при необычныхъ условіяхъ, — а работу записывающаго аппарата нельзя скрыть отъ присутствующихъ уже потому, что она даетъ о себѣ знать шипѣніемъ.

II. Въ ночь съ 3 на 4 іюля 1894 г.

- 1) *Обстоятельства, вызвавшія необходимость обращенія къ помощи шамана, характеристика приглашеннаго шамана и обстановка дѣйствія.*

Дѣйствіе происходило у того же якута: заклинанія шамана Чыбѣкы не помогли, и былъ приглашенъ другой шаманъ, Былкыја, или Быркыја, болѣе сильный. О немъ рассказываютъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ вздумалъ было бросить свое занятіе; но абѣсылар стали «пожирать» его ногу, вслѣдствіе чего онъ принужденъ былъ опять камлатъ.

Быркыја теперь прихрамываетъ.

Онъ говоритъ, что послѣ шаманскаго дѣйствія, имѣющаго цѣлью вернуть здоровье больному, онъ плюетъ на болящее мѣсто и уктур, и это помогаетъ излѣченію.

Приблизительно въ тотъ моментъ, когда шаманъ выѣхалъ на елань (алас), гдѣ находилась юрта больного, послѣдній впалъ въ безсознательное состояніе, пересталъ кричать и охать. Это было объяснено тѣмъ, что абѣсылар, испугавшись появленія шамана, сасан хѣлбыттар (скрылись). Чтобы результаты дѣйствія оказались благопріятными, для этого слѣдуетъ теперь шаману сказать въ юртѣ больного, что такъ какъ абѣсылар саспыттар (скрылись), то онъ безсиленъ и уходитъ, и дѣйствительно уйти въ сосѣднюю юрту, а вечеромъ тайкомъ (сасан) пробраться въ юрту больного и застать абѣсылар врасплохъ.

Вслѣдствіе ли указаннаго обстоятельства или по другимъ основаніямъ шаманъ уже съ утра не могъ сказать окружающимъ ничего утѣшительнаго насчетъ возможныхъ результатовъ предстоявшаго дѣйствія: предсказанія, по его словамъ, были крайне неблагопріятны.

На вопросъ, не нужно ли что-нибудь приготовить для дѣйствія, шаманъ отвѣтилъ, что другой шаманъ неосновательно, съ сознаніемъ, что говоритъ неправду (сымыјанан), потребовалъ бы, чтобы убили какую-нибудь скотину, но — «коней и коровъ воспитываютъ не для того, чтобы скормля-

вать ихъ абасы, — убиваютъ лишь для того, чтобы ѣсть, для абасы же достаточно тыл іччітѣ, да сіѣл и масло, а если можно достать, то и бутылку водки, чтобы влить въ огонь».

Этотъ шаманъ также рѣшилъ, что нужно совершить дѣйствіе үсѣ кырар. Но бабах, поставленный тамъ же, гдѣ и прежній, былъ иной. Было воткнуто три кола, и на среднемъ изъ нихъ водруженъ кѣі кыл, на западномъ — ѳксѳкү кыл, а на восточномъ — суор. Два первыхъ — мнѳическія существа, послѣдній — воронъ. Передъ кѣі кыл — также «столъ», но продолговатый (длинная ось — съ востока на западъ) и настолько длинный, что на немъ стало въ рядъ 7 деревянныхъ бокальчиковъ цилиндрической формы (съ рюмку средней величины) и передъ каждымъ изъ нихъ — по кусочку сырого мяса, каждый величиною съ наперстокъ.

Дѣйствіе Быркыја производилъ въ томъ же кафтанѣ, что и Чыбѣкы, и воспользовался бубномъ послѣдняго. Противъ моего присутствія, какъ и Чыбѣкы, ничего не являлъ.

2) Движенія.

Въ движеніяхъ этого шамана я не наблюдалъ ничего, что отличало бы ихъ отъ движеній Чыбѣкы.

3) Позы.

У Быркыја пришлось подмѣтить нелишнюю эффекта позу, къ которой не прибѣгалъ Чыбѣкы. Шаманъ сталъ правымъ коленомъ на олох, а на колено лѣвой ноги поставилъ локоть лѣвой руки, въ которой находился бубень, всѣмъ корпусомъ подался впередъ и внизъ, а голову опустил совсѣмъ низко. Въ такомъ положеніи онъ собиралъ въ бубень абасылар, которыхъ успѣлъ созвать своими заклинаніями.

Другая поза была лишь болѣе рельефно выражена этимъ шаманомъ, но къ ней прибѣгалъ и Чыбѣкы, когда изображалъ соххор кѣлѣнѣ, — а именно: шаманъ, сидя, согнулся впередъ и приложилъ правую щеку къ внутренней сторонѣ бубна, причемъ нагнѣвалъ и тихо ударялъ въ бубень.

4) Бубень.

а) Способы извлеченія звуковъ.

Кромѣ описанныхъ у Чыбѣкы, я замѣтилъ еще одинъ видъ одиночныхъ ударовъ, — а именно: колотушка падала на перепонку бубна не подъ угломъ (какъ изображено выше, на фиг. 6—7), а отвѣсно.

Кромѣ того, у Быркыја особенно рѣзко слышался побочный звукъ, происходившій отъ паденія кончика рукоятки колотушки на перепонку бубна.

б) Звуковые эффекты.

Здѣсь приходилось наблюдать такіе слабые звуки, какихъ я не слышалъ у Чыбѣкы. Онѣ давались тѣмъ приѣмомъ извлеченія звуковъ, который только-что описанъ, какъ не наблюдавшійся у Чыбѣкы.

5) *Интонація голоса шамана.*

То же я могу сказать и о силѣ голоса Быркыја: эффекты получались такой незначительной силы, какой я не наблюдалъ у Чыбѣкы.

6) *Порядокъ дѣйствія.*

На этотъ разъ дѣйствіе при мнѣ и началось — съ олоххо олорор, но зато, къ сожалѣнію, на немъ же и окончилось.

Освѣдомившись, все ли готово, шаманъ приказалъ налить водки въ бокальчики на «столѣ», послѣ чего сѣлъ на олох (обыкновенная подстилка изъ конской кожи для постели) и попросилъ, чтобы ему подали и помогли надѣть кафтанъ. Взявъ затѣмъ въ руки бубенъ, онъ очень долго выбивалъ на немъ мелкую, тихую, въ одинъ ударъ, дробь и затѣмъ тихо запѣлъ. Онъ призывалъ различныхъ духовъ, извѣстныхъ ему, а затѣмъ — и мѣстныхъ уѡр-ей, причемъ просилъ присутствовавшихъ подсказывать ему имена этихъ уѡр-ей. Во время этого вызыванія, въ самомъ началѣ, онъ на непродолжительное время пришелъ въ сильное движеніе (мѡцсѡр), въ которомъ принимали участіе голова и плечи; кромѣ того, раза два онъ приходилъ въ менѣе сильное возбужденіе, но зато одинъ разъ быстро завертелъ головой и закричалъ «бррр!...», что вызвало необходимость, для приведенія его въ чувство, прибѣгнуть къ высѣканію огня. Огонь высѣкали съ южной стороны отъ шамана. Если мнѣ не измѣняетъ память, то это происходило послѣ того, какъ шаманъ кѡрѣ кѡрдѡ — пророчествовалъ.

По окончаніи вызыванія извѣстныхъ шаману духовъ и мѣстныхъ уѡр-ей, — что заняло около двухъ съ половиною часовъ, — шаманъ, принявъ описанную выше позу, началъ собирать въ бубенъ духовъ, которые скопились у него на олох-ѣ.

Судя по результатамъ этого акта, дѣйствіе обѣщало быть грандіознымъ. Своимъ блестящимъ олоххо олорор шаманъ расшевелилъ столько рѣдкихъ духовъ, что якуты то и дѣло восклицали: *ālbāx da urūlāx kīcīgīn, doḃo-or!* — «много же у тебя родни, пріятель!» (предполагается «родство» съ духами).

Но эти ожиданія не оправдались.

Постепенно усиливая движенія и звуки, шаманъ всталъ на ноги и началъ движенія *ākīrān mōcṣṡr*, причемъ подвинулся къ выходной двери

и сталъ къ ней лицомъ. Затѣмъ, круто повернувшись къ красному углу юрты, заговорилъ голосомъ и акцентомъ духа соххор кăлăнĭ, послѣ чего усѣлся тамъ же на табуретку, передалъ бубенъ для просушки, а самъ заявилъ, что¹ не можетъ узнать, который изъ явившихся абăсылар причинилъ болѣзнь. Тѣмъ не менѣе, взявъ въ руки цалбыр, онъ сталъ опять пѣть заклинанія. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вновь заявилъ, что напрасно, кажется, будетъ продолжать дѣйствіе и что, вѣроятно, причина болѣзни — въ скопившемся въ ногѣ у больного гноѣ, а не въ абăсы. Но все же онъ опять попросилъ себѣ бубенъ, сказавъ: «попробую еще!» — и на самомъ дѣлѣ сдѣлалъ новую попытку. Наконецъ, передавъ еще разъ бубенъ якутамъ, онъ рѣшительно заявилъ, что изъ сегодняшняго дѣйствія ничего не выйдетъ и что нужно прекратить дѣйствіе, а начавшему просушивать бубенъ якуту категорически приказалъ — оставить это дѣло и положить бубенъ на полку надъ каминномъ. Тутъ же онъ попросилъ, чтобы ему помогли снять кафтанъ. Все время раздавались робкіе голоса, что нужно бы еще разъ попробовать; но шаманъ всякій разъ возражалъ: если бы, молъ, онъ видѣлъ какой-нибудь толкъ, то съ какой стати не продолжалъ бы дѣйствія?

Разочарованіе было написано на лицахъ присутствовавшихъ, и неудача особенно гнетуще повліяла на родныхъ больного.

Во время чая, который тутъ же былъ устроенъ мною для нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ на сеансѣ, я черезъ посланнаго пригласилъ Быркыја къ себѣ, обѣщая его угостить и выразивъ желаніе побесѣдовать съ нимъ о шаманствѣ. Но на это послѣдовалъ гордый отвѣтъ шамана, что шаманское дѣйствіе — вещь серіозная, а не забава, и что для пустого разговора онъ не желаетъ идти ко мнѣ.

Впослѣдствіи до меня доходили слухи, что Быркыја неуспѣхъ дѣйствія объяснялъ моимъ присутствіемъ на сеансѣ.

Въ заключеніе сообщу, что мое предложеніе (сдѣланное въ цѣляхъ этнографическаго наблюденія) — пригласить еще одного шамана, знаменитаго въ околоткѣ Кѹбă Уола, всѣ сосѣди рѣшительно отклонили, въ томъ числѣ и родные больного, ссылаясь на то, что этотъ шаманъ, какъ слишкомъ могущественный, растревожитъ столь сильныхъ духовъ и въ такомъ количествѣ, что отъ нихъ житья не будетъ долго-долго послѣ дѣйствія.

Урочище Чурапча (Якутской обл.), 4 іюля 1894 г.

Петроградъ, 1 января 1917 г.

¹ Начиная отсюда, текстъ не вполне соответствуетъ характеристикѣ статьи, данной въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 165, такъ какъ оригиналъ утраченъ и текстъ пришлось восстанавливать по случайно сохранившимся отрывкамъ черновыхъ записей и по воспоминаніямъ, какъ моимъ, такъ и присутствовавшей на сеансѣ якутки (находящейся теперь въ Петроградѣ).

Примѣчанія В. М. Іонова.

Абасы (мн. число: абасылар) — духъ, питающійся душами (кут; см. уор) людей и животныхъ или поѣдающій разныя части тѣла тѣхъ и другихъ, «злой духъ», по обычной терминологіи. Абасы дѣлятся на верхнихъ и нижнихъ. Верхніе, населяющіе «верхній міръ», имѣютъ конный скотъ, и въ жертву имъ приносятъ только конный скотъ. Нижніе, населяющіе «нижній міръ», имѣютъ рогатый скотъ, и въ жертву имъ приносятъ только рогатый скотъ.

Абасы сѣргѣтѣ — коновязь духа-абасы; ојун сѣргѣтѣ — коновязь шамана.

Абасылар саспыттар — духи-абасы спрятались.

Алгыр бутѣрігѣр — закликаетъ въ заключеніе.

Алларѣ кырар — камланіе, обращеніе къ нижнимъ духамъ.

Алларѣ кырыхха — камлатъ, обращаясь къ нижнимъ духамъ.

Аратѣѣ (отъ ара, по дорогѣ, на дорогѣ) абасы — встрѣченный на дорогѣ абасы.

Аккірѣн мѣсѣр — подпрыгивая, совершаетъ рѣзкія движенія, бьется.

Аккірѣн мѣсѣбѣт — подпрыгивая, онъ совершалъ рѣзкія движенія.

Баѣах — столбъ, на которомъ вѣшаютъ шкуру принесенной въ жертву скотины или къ которому привязываютъ самое жертвенную скотину; два стоящихъ передъ юртой освященныхъ березовыхъ дерева (О. Бетлингкъ). См. еще объясненіе на стр. 169 текста.

Былаѣах — колотушка для бубна (см. В. Н. Васильевъ и Э. К. Пекарскій. Плащъ и бубенъ якутскаго шамана. «Матеріалы по этнографіи Россіи». Т. I. Изд. Этнографич. Отд. Русск. Музея Императора Александра III. С.-Пб. 1910).

«Верхній» міръ. Весь міръ — видимый и невидимый — дѣлится на три части: верхній и нижній міры, населенные духами, и средній міръ — наша земля.

Цалбыѣр — дѣйствіе шамана при помощи цалбыр (см.), сопровождаемое заклинаніями и имѣющее цѣлью очищеніе или исцѣленіе.

Цалбыр — употребляемая въ цѣляхъ очищенія или исцѣленія березка (по одной записи у меня: кыла сѣр кысыла талаѣа — красный тальникъ, которымъ питается сохатый, но въ текстѣ имѣющагося тамъ заклинанія шамана стоитъ хахыѣах, т. е. березка), очищенная отъ боковыхъ вѣтокъ, съ кольцеобразно срѣзанной въ трехъ мѣстахъ корой и съ привязанными

въ трехъ или въ семи мѣстахъ (по одной изъ записей: и въ девяти) пучками конской гривы.

Цон — люди, народъ.

Іккі тоѳус олох — дважды девять олох (см.). Шаманъ садится на каждомъ девятомъ олох-ѣ.

Кăі кыл — мнѣйшій звѣрь. У каждого болѣе сильнаго шамана имѣется особый звѣрь, называемый іѣ кыл (мать-звѣрь), съ которымъ тѣсно связано существованіе шамана. Однимъ изъ такихъ звѣрей является кăі кыл.

Кăлăнĕ — духъ-спутникъ, покровитель и помощникъ шамана. Повидимому, у каждого шамана нѣсколько различныхъ кăлăнĕ, и шаманы различаются по силѣ въ зависимости отъ того, какіе кăлăнĕ помогаютъ и сопутствуютъ каждому изъ нихъ. Въ заключеніе дѣйствія шаманъ приводитъ кăлăнĕ въ юрту, т. е. представляетъ его и говоритъ отъ его имени. Обычно разные кăлăнĕ смѣшиваются и даже сливаются въ одно лицо.

Көрү көрдө — онъ видѣлъ то, чего не видѣли другіе. Шаманъ во время перваго акта узнаетъ главную причину болѣзни, т. е. главнаго духа, затѣмъ въ началѣ втораго акта узнаетъ, какіе үөр и второстепенные абасы мучаютъ больного вмѣстѣ съ главнымъ духомъ, поселившимся въ больномъ. Далѣе, когда шаманъ отправляется въ царство духовъ, онъ получаетъ даръ ясно-видѣнія и можетъ узнать судьбу людей. Все это называется көрү көрөр. Присутствующіе, желая узнать свою судьбу, незамѣтно для шамана прицѣпляютъ къ бахромѣ его кафтана какія-нибудь вещи (перстень, пуговицу и т. п.), и шаманъ дѣлаетъ предсказанія, касающіяся лицъ, прицѣпившихъ что-нибудь къ его бахромѣ. При этомъ онъ никого не называетъ по имени, а говоритъ намеками, указывая, напр., примѣты мѣста жительства человѣка, пожелавшаго узнать свою судьбу. Пророчества касаются удачи или неудачи на промыслѣ, увеличенія или уменьшенія количества скота, женитьбы и замужества, болѣзни и смерти и т. п. Пророчествуетъ шаманъ или во время остановки на олох-ахъ или по возвращеніи въ этотъ міръ. Это называется көрүләнәр, көрүләнән äтәр.

Кут — см. үөр.

Мәнәрик — человѣкъ, способный воспринять въ себя духа какъ по собственному желанію, такъ и по желанію этого послѣдняго. Это, собственно говоря, истеричный субъектъ, похожій на нашихъ кликушъ. Припадки вызываются какими-нибудь внѣшними импульсами, но могутъ быть вызваны и сознательно самимъ больнымъ соответствующими формулами заклинаній и движеніями. Цѣль такого сознательнаго приведенія себя въ состояніе раздраженія — узнать причину чьей-либо болѣзни или доставить временное облегченіе больному воспринятіемъ въ себя менѣе значительнаго духа-мучителя.

Нѣңніјѣр — обыскиваніе. Шаманъ разыскиваетъ духовъ, которые могли спрятаться гдѣ-либо.

«Нижній» міръ, см. «Верхній» міръ.

Нухарыјан тустѣ — онъ впалъ въ дремоту.

Нухарыјан (отъ нухарыи, дремать), аңарыјан (отъ аңарыи, быть въ полудремотномъ состояніи), туимѣрыјан (отъ туимѣрыи, упасть въ обморокъ) тустѣ. Первые три слова даны, повидимому, какъ равнозначащія, могущія замѣнять одно другое. Но это невѣрно. Вмѣстѣ всѣ три они тоже не употребляются. Въ данномъ случаѣ можно сказать только туимѣрыјан тустѣ. Но, возможно, рѣчь шла о другомъ. Идя далеко въ міръ духовъ, шаманъ упоминаетъ о своихъ славныхъ предкахъ шаманахъ, которые доходили до этихъ дальнихъ мѣстъ, и употребляетъ выраженіе аңарыјан-туимѣрыјан туспѣт доидулара (отъ доиду, земля, мѣсто, страна), что означаетъ очень далекое мѣсто. Въ этомъ смыслѣ употребляется аңарыи и отдѣльно: Цѣ, аңарыјан баран тіјѣр (отъ тii, достигать) доиду. — Ну, и дальнее же мѣсто. Объяснить такое употребленіе этихъ словъ я не берусь; не берусь и за рѣшеніе вопроса, не имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ два разныхъ слова, тождественныхъ только по звуковому составу (Э. К. Пекарскій въ своемъ «Словарѣ» принимаетъ два разныхъ слова).

Олох на пути шамана — мѣсто жительства того или другого духа.

Олоххо олорор. Олох — мѣсто, гдѣ сидитъ или живетъ кто-либо. Олорор — живетъ, сидитъ. Шаманъ въ самомъ началѣ дѣйствія сидитъ на земляномъ полу юрты, около камина, между послѣднимъ и южной стѣной, на постилкѣ, сдѣланной изъ бѣлой конской шкуры съ прошвой изъ черной коровьей шкуры вдоль краевъ. Олоххо олорор — первый актъ шаманскаго дѣйствія. Шаманъ, сидя на своей постилкѣ, обращается къ духамъ — хозяевамъ огня, юрты, мѣста, къ своимъ духамъ-покровителямъ, ко всѣмъ извѣстнымъ уѣр-ямъ (душамъ умершихъ) и къ духамъ-пожирателямъ (абасы), которыхъ можно заподозрѣть въ причиненіи болѣзни или несчастія.

Орон — лавки вдоль стѣнъ юрты.

Обустѣххін дуо? (вопросъ, съ которымъ шаманъ обращается къ мужчинамъ) — имѣешь ли ты половой органъ?

Өксөкү кыл — мифическая двуглавая птица, смѣшиваемая нѣкоторыми съ орломъ, хотои (но ничего общаго съ нимъ не имѣющая), на томъ основаніи, что въ разговорѣ съ русскими якуты называютъ ее заимствованнымъ съ русскаго словомъ őrűl (орелъ), подразумѣвая подъ этимъ орла, изображаемаго на монетахъ и т. п. Эту двуглавую птицу якуты никогда не назовутъ словомъ хотои (птица орелъ), какъ и орла — словомъ өксөкү.

Сасан хѣлбыттар — они спрятались.

Сіѣл — грива, волосы изъ гривы.

Соѳурӯ діаккі хаҗысан әккірән мөңсөр — обернувшись на югъ, совершаетъ рѣзкія движенія.

Сосутан абасытын ылары бахсырыҗар — испугавши абасы, втягиваетъ его въ себя, сопровождая это особымъ звукомъ, похожимъ на тотъ, который слышится при втягиваніи жидкости въ ротъ.

Соххор кәләні — одноглазый кәләні.

«Средній» міръ, см. «Верхній» міръ.

Сургүҗәр — очищеніе отъ мелкихъ духовъ при помощи горящихъ лучинъ изъ разбитаго молніей дерева или при помощи бубна, при чемъ въ первомъ случаѣ держащіе эти лучины пролѣзаютъ подъ брюхомъ скотины (во время эпизоотіи), а потомъ эту скотину заставляютъ прыгать черезъ костеръ, зажженный при помощи этихъ же лучинъ; во второмъ случаѣ — при помощи бубна — шаманъ пролѣзаетъ съ бубномъ между ногъ больного, если послѣдній можетъ стоять хотя бы при чужой помощи, или только тычетъ бубномъ между ногъ больного, посаженнаго на табуретъ (олох мас).

Сүтәрдә — онъ потерялъ (звуки бубна), т. е. пересталъ слышать.

Тыл іччитә — духъ-хозяинъ (іччі) слова; употребляется также въ значеніи: смыслъ словъ.

Уңан тустә — онъ упалъ въ обморокъ.

Уңары гыммыт — онъ почувствовалъ себя дурно.

Үктүр — наступаетъ ногою.

Үңү — пика. Возможно, что специально для даннаго случая изготовленныя маленькія пики авторъ принялъ первоначально за стрѣлы (см. стр. 178 прим.).

Үөр. У человека двѣ души — кут (совокупность физіологическихъ процессовъ) и сүр (совокупность психическихъ процессовъ). Сүр послѣ смерти человека превращается въ үөр и продолжаетъ такую же жизнь, какую человекъ велъ на землѣ. Үөр сохраняетъ всѣ земныя привязанности и старается перетянуть къ себѣ близкихъ или нужныхъ ему людей.

Үөтәр — дѣйствіе шамана, имѣющее цѣлью препроводить въ тотъ міръ, откуда явился духъ, причинившій болѣзнь, какъ скотину, назначенную въ выкупъ за захваченную духомъ душу больного, такъ и духа, выѣдреннаго въ эту скотину.

Үөтүсәр (отъ үөтүс, совершать вмѣстѣ съ кѣмъ-либо дѣйствіе, выражаемое глаголомъ үөтәр) — подражаетъ всѣмъ движеніямъ шамана и повторяетъ за нимъ его выкрики при предыдущемъ дѣйствіи (см. үөтәр).

Үсә кырар — совершаетъ шаманское дѣйствіе, обращаясь къ верхнимъ духамъ.

Үсә кырбыт — онъ обращался къ верхнимъ духамъ.